

Процессуальность городских конфликтов: анализ последовательностей оспаривания проектов трансформации городского пространства в России*

Андрей Семенов

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
доцент департамента политологии и международных отношений, Назарбаев Университет
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005 Российская Федерация
E-mail: andrey.semenov@nu.edu.kz

Городские конфликты принято анализировать в пространственном ключе — как оспаривание несколькими сторонами притязаний друг друга на право трансформировать физические или символические аспекты городского пространства. Однако конфликты по определению разворачиваются не только в пространстве, но и во времени: как последовательность связанных между собой событий определенной продолжительности. В настоящей статье, опираясь на «социологию процессуальности» Эндрю Эббота и методологию анализа конфликтных эпизодов, рассматривается одно из темпоральных измерений городских конфликтов — упорядоченность действий во времени (sequencing). Подбор аналитических инструментов для анализа событийных последовательностей осуществляется с учетом их ключевых особенностей: «эффекта колеи» (зависимости текущей ситуации от прошлых состояний процесса) и «плюри-сектальности» (неоднократного повтора одних и тех же стадий в эпизоде конфликта). Анализ городских конфликтных эпизодов выступает инструментом, позволяющим отследить взаимодействия между оспаривающей стороной (активными горожанами) и инициаторами проектов трансформации городской территории (застройщиками и публичной властью) с учетом вмешательства «четвертой стороны», выступающей в роли медиатора или союзника основных участников конфликта. Выстроенная в этой логике база данных о городских конфликтах в российских городах-миллионниках позволяет рассмотреть последовательности более пристально и провести разведочный анализ вариации в них. Собранные данные о 259 конфликтах демонстрируют, что между городами и типами конфликтов есть существенные различия в средних оценках продолжительности, длины действий и интенсивности конфликтов. Анализ последовательностей в конфликтах по поводу застройки рекреационных зон и уплотнительной застройки также свидетельствует о значительном разнообразии содержания конфликтных эпизодов, однако общим является активная роль горожан и публичной власти при значительно меньшей доле действий застройщиков и четвертой стороны. Половина последовательностей является короткой (до 5–6 действий), в то время как продолжительные эпизоды с большим числом действий несколько повышают вероятность благоприятного для жителей исхода. Исследование вносит вклад в дискуссию о паттернах городских конфликтов и их темпоральные аспекты.

Ключевые слова: городские конфликты, состязательная политика, коллективные действия, процессуальность, темпоральность

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 18-78-10054-П «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

В социологии города сформировались две большие методологические традиции анализа конфликтов по поводу трансформации городских территорий. С одной стороны, представители Чикагской школы, анализируя город через призму картографии, отмечали, что локализация лежит в основе противоречий между различными городскими группами (Owens, 2012; Park, Burgess, 2019 [1925]): она определяет специфику застройки и использования земли, ключевые характеристики городских районов и — как следствие — особенности конфликтов (Sampson, 2012). Политэкономическая традиция, с другой стороны, фокусируется на процессуальной стороне городских конфликтов: последние являются проявлением борьбы противостоящих друг другу групп интересов, вызревающих в ходе взаимодействия друг с другом на продолжительных временных отрезках (Logan, Molotch, 1979; Stone, 1989).

Обе традиции внесли значительный вклад в понимание городских конфликтов, которые по определению связаны как с пространственным (поскольку имеют объектом взаимодействия конкретную локацию), так и с временным (поскольку разворачиваются во времени) аспектами. Фокус на одном из аспектов тем не менее серьезно ограничивает познавательные возможности каждой из традиций: синхронный анализ пространственного распределения городских конфликтов неизбежно унифицирует присущее им разнообразие репертуаров, игроков, стратегий и арен взаимодействия (Семенов, 2019). Диахронический анализ позволяет лучше понять истоки и эволюцию «городских конфигураций» (Stone, 1989; Туканова, Khokhlova, 2020), но его результаты не дают возможности проводить систематические сравнения в связи с уникальностью исторических траекторий городского развития (Pierre, 2011).

Целью настоящей статьи является представление возможного синтеза двух методологических традиций в изучении городских конфликтов, который позволил бы учесть процессуальность взаимодействий и их встроенность в локальный (городской) контекст на достаточном для систематического сравнения конфликтов между собой уровне абстракции. В качестве такого синтеза я предлагаю использовать два социологических инструмента: анализ последовательностей (*sequence analysis*, Abbot, 2016) и анализ конфликтных эпизодов (*contentious episode analysis*, Kriesi et al., 2019). Применение этих инструментов, с одной стороны, позволяет учитывать разнообразие репертуаров, игроков, арен и стратегий (Желнина, Туканова, 2021; Желнина и др., 2022), с другой стороны — процессуальные аспекты и связь с широким городским контекстом в аналитически сравнимом ключе. Анализ 259 конфликтных эпизода в российских городах-миллионниках между 2010 и 2020 годами демонстрирует полезность данного синтеза: во-первых, анализ последовательностей позволяет зафиксировать вариацию в темпоральных характеристиках между городами и типами конфликтов (их продолжительность и интенсивность). Во-вторых, анализ демонстрирует, что наиболее активными участниками городских конфликтов являются публичная власть и местные жители, но их вовлеченность варьируется в зависимости от типа конфликта и его ста-

дии. В-третьих, наблюдается, что затяжные конфликты чаще приводят к успешному для местных жителей исходу. Данное исследование вносит вклад в дискуссию о возможностях синтеза различных подходов к изучению городских конфликтов, в частности, совмещения различных уровней исследования и учета роли всех основных «игроков» (Желнина и др., 2022).

Анализ последовательностей в социальных науках и социологии города

«История имеет значение» для многих социальных процессов, и городские конфликты здесь не исключение: взаимодействия между ключевыми сторонами процесса городского со-управления (*urban governance*) не являются «одноразовыми», но разворачиваются в контексте локальных (Семенов, Минаева, 2021) и более широких исторических эпизодов (Degen, 2018). Акцент на процессуальности позволяет выйти за пределы изучения уникальных случаев наподобие межрасовой «городской коалиции» в Атланте в послевоенный период (Stone, 1989) на основе общего аналитического языка (Rast, 2011). Выработка такого языка тем не менее представляется нетривиальной задачей: он должен быть достаточно комплексным, чтобы отразить многообразие «игроков» и их действий на различных аренах городской борьбы (Желнина и др., 2022); он должен отражать «историю» взаимодействий и одновременно с этим — быть применимым к разнообразию городских контекстов (Тыканова и др., 2022).

В данной статье я предлагаю объединить два социологических инструмента: «анализ последовательностей» и «анализ конфликтных эпизодов». Первый метод утвердился в изучении целого ряда предметных областей социологии: от карьерных траекторий до адаптации политических курсов (Liao et al., 2022). Пионер метода — Эндрю Эббот — противопоставил анализ последовательности статистическому анализу в форме «общей линейной реальности» (*General Linear Reality*), основанному на целом ряде допущений, несовместимых с онтологией социального. В классических статистических методах единицы наблюдения (например, индивиды или страны) считаются независимыми друг от друга, а порядок действий не имеет значения (Abbot, 1998). В реальности социальные взаимодействия связаны между собой и не начинаются с «чистого листа» каждую новую итерацию: напротив, «игроки» учитывают информацию о прошлом в выработке курса дальнейших действий, а также ориентируются на ожидаемые стратегии своих контрагентов (King, Jasper, 2022).

Критика линейной модели реальности привела Эббота к созданию теории «процессуализма», отправная точка которой убеждение, что индивиды, их группы и прочие социальные сущности не являются искусственными наборами изолированных друг от друга переменных (таких как «класс», «гендер» или «доход»), но формируются и развиваются в процессе взаимодействия друг с другом как целостные образования. Более того, «индивиды и социальные сущности не являются [базовыми] элементами социальной жизни, но паттернами и регулярностями, определяемыми поколениями последовательных событий» (Abbot, 2016: ix). Ины-

ми словами, изучение корреляции между отдельными характеристиками феноменов (например, бедности и способности к коллективным действиям на индивидуальном или агрегированном уровнях) не дает надежного знания, поскольку эта связь может быть разной в зависимости от обстоятельств.

Социология Эббота — продолжение прагматической традиции Чикагской школы, которая, с его точки зрения, так и не выработала эксплицитную социальную теорию (Abbot, 2016: x). В попытке создать прагматическую модель Эббот обращает внимание на темпоральность как ключевой аспект социального действия, которая в том числе предполагает смену тех или иных состояний (например, занятость/безработица или автократия/демократия), последовательность которых образует «жизненный путь» (life course). Отдельные социальные действия имеют значение только в рамках некоторой последовательности, где ключевыми оказываются три типа регулярностей: порядок действий (sequencing), время (timing), когда социальный актер пребывает в каком-либо состоянии или меняет его, и продолжительность (duration) пребывания в том или ином состоянии (Studer, Ritschard, 2016). При этом агентность выступает на стороне акторов: они обладают «способностью формулировать и следовать жизненным планам» (Shanahan, Elder, 2002: 147) с учетом возникающих возможностей и ограничений.

Анализ последовательности на индивидуальном уровне оказался удобным методом для изучения феноменов, которые предполагают регулярную смену более или менее четко идентифицируемых состояний, например, карьерных траекторий или организационного развития. На страновом уровне исследователи демократических транзитов обращали внимание, что реформы должны осуществляться в определенном порядке, иначе результат перехода может быть субоптимальным или сопровождаться серьезными трудностями, например, этнонациональными конфликтами или гражданскими войнами (Carothers, 2007). На практике, однако, транзит осуществлялся очень разными путями (Mansfield, Snyder, 2007). Переход в обратную сторону — от демократии к авторитаризму — также имеет различные логики последовательности: например, М. Коппедж выделил две основные траектории автократизации — через эрозию горизонтальной подотчетности государственной власти (контроль ветвей власти друг над другом) и через постепенные и последовательные ограничения гражданских прав и свобод (Coppedge, 2017). Эмпирический анализ показывает, что универсальных траекторий «демократического отката» не существует, но особую роль играет подрыв «диагональных» защитных механизмов, таких как свобода прессы и право на мирные собрания (Wunsch, Blanchard, 2022).

Конфликты также неоднократно становились предметом изучения с помощью анализа последовательностей. В них часто проявляется «эффект колеи» (path dependency), который подразумевает, что текущее состояние (или результат цепочки взаимодействий) определяется набором прошлых состояний процесса (Pierson, 2000; Page, 2006). Проблема анализа конфликтов с точки зрения анализа последовательности, как отмечают Б. Джонс и С. Метцгер, заключается в «плюрисектальности» (plurisectality, буквально «множественные сечения») конфликтного

процесса, которая подразумевает неоднократный повтор одних и тех же стадий конфликта (Jones, Metzger, 2018: 820). Другой проблемой является чувствительность динамики конфликтов к особенностям контекста (пространственного и темпорального), в которых разворачивается действие: одна и та же последовательность, например (де)эскалация, может оперировать по-разному на разных стадиях конфликта (McAdam et al., 2008).

Ответом на эти вызовы стала методология «анализа конфликтных эпизодов» (contentious episode analysis, CEА). Данная методология позволяет упорядочить последовательности конфликтных взаимодействий в рамках хронологически и пространственно ограниченных эпизодов в аналитически полезном ключе, то есть редуцировать сложность и многообразие акторов и их действий без потери возможности содержательного анализа. Располагаясь между макроуровнем «тотального» описания того или иного конфликтного эпизода и микроуровнем отдельных событий, конституирующих этот эпизод, CEА позволяет зафиксировать последовательности взаимодействия между оспаривающей стороной и ее контрагентом(-ами), а также третьими сторонами, и подвергнуть их систематическому сравнению (Kriesi et al., 2019). Например, А. Божар и Х. Кризи использовали CEА для анализа мобилизации против «политики затягивания поясов» в Западной Европе после кризиса 2008 года и обнаружили сильный «эффект колеи» в действиях основных акторов, а также важную роль третьих сторон в медиации взаимодействия между правительственными акторами и оспаривателями (Bojar, Kriesi, 2021).

Классический событийный анализ рассматривает мобилизацию через призму агрегированного числа тех или иных действий, например, протестных митингов или правительственных репрессий. CEА фокусируется на взаимодействиях, моделируя мобилизацию как процесс взаимосвязанных и ориентированных друг на друга действий ключевых акторов (Kriesi et al., 2021). Ключевым элементом методологической конструкции CEА являются представления о «триггерах» (action triggers), которые причинно предшествуют любому другому действию в цепочке, с них начинается эпизод и формируются ответвления (branches) в последовательности (Kriesi et al., 2021: 111). Хронологически упорядоченные цепочки образуют эпизод, окончание которого знаменуется отсутствием дальнейшего взаимодействия между изначальными сторонами конфликта. Такая структура позволяет замерить, к примеру, «темп» (pace) эпизода — среднюю продолжительность между отдельными действиями в цепочке, а также «сложность» (complexity) — количество ответвлений от центральной линии взаимодействия и их продолжительность (Kriesi et al., 2021: 115-116).

Для того чтобы сделать цепочки взаимодействия аналитически сравнимыми и подлежащими количественным измерениям, Кризи и соавторы предлагают ограничиться тремя типами акторов: оспаривателями (challengers), правительственными агентами (government) и третьей стороной (third party). Каждый «стилизованный актер» («stylized actor», отсылка к тому, что актер может объединять множество индивидов или организаций) совершает содержательные или процедурные действия. Первые относятся к сути конфликтного взаимодействия,

например, содержанию предлагаемого политического курса; вторые — к отношениям между акторами. Репертуар уникален для каждого типа актора: так, правительство содержательно может либо делать уступки, либо придерживаться заявленного курса, оспариватели могут либо сотрудничать, либо оспаривать предложение правительства, а третьи стороны — выступать в поддержку одного из основных акторов (Kriesi et al., 2021: 17). Типологию действий можно адаптировать под цели конкретного предмета исследования.

Таким образом, анализ последовательности является уже устоявшимся инструментом исследования как индивидуальных жизненных траекторий, так и взаимодействий между множеством сторон. Исследователи указывают, что порядок действий (наряду с другими временными характеристиками) является важной характеристикой «процессуального» подхода в социологии и позволяет лучше понять логику взаимодействий и/или индивидуального и организационного выбора на том или ином этапе развития процесса, будь то карьера или международный конфликт.

Методология анализа последовательности в социологии городских конфликтов

Классическая социология города нередко полагалась на плотное описание процесса взаимодействия между ключевыми акторами: к примеру, Кларенс Стоун подробно рассмотрел возникновение «межрасовой коалиции» в послевоенной Атланте (Stone, 1989). Размышляя о традиционной для социологии проблеме агентности и структуры, Стоун подчеркивает значимость событий как возможности для переоценки перспектив у ключевых участников городской политики. Отмечая, что «структуры реальны», но не фиксированы раз и навсегда, он пишет, что «каждое событие несет в себе потенциал трансформации режима, не обязательно внезапную его перестройку, но открывающую путь цепочки событий, приводящих в итоге к фундаментальным изменениям» (Stone, 1989: 10). Иными словами, вслед за Энтони Гидденсом и Филиппом Абрамсом, Стоун предлагает сфокусироваться на «структурировании» (structuring) как процессе динамического взаимодействия акторов с физическими и другими ограничениями, ядром которого становятся события. Последние «выступают ареной борьбы между изменениями и преемственностью, но они не являются самодостаточными или свободными от всего явлениями. Они становятся событиями в нашем сознании, поскольку соотносятся со структурами, которые определяют будущие события» (Stone, 1989: 10). В этом свете подбор аналитических инструментов, позволяющих сконструировать «событийный путь» социального процесса (такого как городской конфликт), представляется чрезвычайно важной методологической задачей.

В русле методологии «анализа эпизодов» для реконструкции событийного пути первым принципиальным шагом становится выделение «основных игроков», действия которых с наибольшей степенью надежности можно считать определяющими в городском конфликте. Потенциально участниками городских конфликтов может

быть довольно широкий набор акторов: социологи города выделяли «элиты» (Hunter, 1957), «группы интересов» (Dahl, 1962), коалиции из держателей ренты на землю (Molotch, 1977) и более широкие конфигурации акторов (Logan, Molotch, 1987; Pierre, 2011), определяющих городскую политику и активно участвующих в городских конфликтах. Тем не менее можно выделить треугольник «жители — публичная власть — застройщики», который составляет ядро конфликтного взаимодействия (Семенов и др., 2018; Бедерсон, Шевцова, 2021; Тыканова и др., 2021). На основании теорий мобилизации ресурсов и политического процесса также можно выделить «четвертую сторону» (аналог «третьей стороны» в анализе Кризи и др.): акторов, которые не имеют непосредственных ставок в самом конфликте, но могут выступать с поддержкой той или иной стороны или источником дополнительных ресурсов (McAdam et al., 2003).

Выделение эпизодов и «событий», сопряженных с взаимодействием, — следующий шаг. Эпизоды определяются как законченные последовательности взаимодействий, начало которых — событие-триггер, вызывающее мобилизацию, а конец — событие-затвор, на котором взаимодействия сторон прекращаются на достаточно продолжительный срок. Содержанием эпизода выступают публичные действия сторон по отношению друг к другу, либо их одновременные действия на аренах, где определить чью-либо инициативу затруднительно. Последние можно обозначить как события медиации.

Хронологическое упорядочивание действий акторов за выделенный временной промежуток с обозначением контекстуальных особенностей разворачивания конфликта (город, локация, тип конфликта, его общая продолжительность и т. д.) позволяет компактно представить информацию об эпизодах и подвергнуть их систематическому сравнению. Временные рамки являются условными границами: эмпирический анализ показывает, что практически любой городской конфликт имеет длительную предысторию, которая может включать юридические (изменение законодательства), планировочные (изменение статуса земельных участков), экономические (приток/отток инвестиций и свободного капитала в сферу застройки) и политические (смена губернатора или мэра) аспекты. Триггеры и затворы тем не менее обозначают границы мобилизации сторон по поводу проекта трансформации городской территории. И хотя итог конфликта зачастую не бывает долговечным, он знаменует собой некоторое промежуточное равновесие, которое может стать исходной точкой для последующих эпизодов.

Городские конфликты в российских городах-миллионниках: общие темпоральные паттерны

Коллективные действия по поводу трансформации городского пространства — постоянный спутник развития современного города (Castells, 1983; Molotch, Logan, 1977). Исследования городских конфликтов, основанные на изучении небольшого числа случаев, нередко демонстрировали комплексность мобилизации в крупных конфликтах: например, Е. Тыканова и А. Хохлова (2020) на примере трех эпизодов

в Нижнем Новгороде доказывают, что жители, сопротивляющиеся нежелательным изменениям в городе, подбирают репертуар, исходя из обстановки и реакции других сторон. А. Желнина в исследовании московской реновации демонстрирует, каким образом события, связанные с масштабным проектом перестройки городского пространства, стали основой для переоценки жизненных и политических стратегий местных жителей (Zhel'nina, 2022). Отдельные случаи, однако, не позволяют систематически охватить и сравнить конфликты: выводы, основанные на значимых случаях, с трудом могут быть генерализованы на все виды городской мобилизации.

Сравнение небольшого числа случаев, однако, не дает представления о том, какого рода конфликты являются «типичными» и каким образом с ними соотносятся анализируемые в литературе отдельные случаи. Систематический подход на основе описанной выше методологии предполагает, что «основные игроки» (жители, представители власти и застройщиков) взаимодействуют между собой в рамках отдельных эпизодов, которые возникают по поводу оспаривания конкретных проектов трансформации городского пространства (например, сноса исторического здания или уплотнительной застройки). Наше внимание к таким конфликтам мотивируется в первую очередь тем, что они чрезвычайно распространены (Smyth et al., 2023) и через их призму можно исследовать широкий спектр социологических вопросов: от анализа условий возникновения городской мобилизации до изучения детерминант успеха/неудачи коллективных действий.

Основываясь на сообщениях в массмедиа и социальных сетях, мы собрали и упорядочили информацию о 259 эпизодах городских конфликтов в 15 российских городах-миллионниках, которые развернулись в 2010–2020-х годах. Кодировочная схема (см. Приложение) учитывает ключевые темпоральные (время, продолжительность и связи между отдельными событиями/действиями), контекстуальные (локация и тематика) и агентские (репертуар, направление действий) характеристики конфликтных эпизодов. Данная информация позволяет посмотреть на «исторический ландшафт» (timescape) городской мобилизации в российских миллионниках с «высоты» генеральной совокупности.

Наши данные вряд ли охватывают все публичные городские конфликты за этот период, поскольку не все случаи обсуждаются в СМИ или в социальных сетях (основные источники для реконструкции эпизодов). В силу особенностей внимания медиа к коллективным действиям можно утверждать, что данные хорошо отражают продолжительные и интенсивные конфликты, однако в меньшей степени непродолжительные случаи с малым числом участников (например, одиночные пикеты). Несмотря на возможные смещения, собранные данные позволяют выявить как характеристики «типичного» конфликта, так и вариацию в них. В таблице 1 представлены данные по общему числу конфликтных эпизодов, их средней продолжительности и среднему числу взаимодействий (медианные оценки), а также средней интенсивности (отношению числа взаимодействий к продолжительности в месяцах). «Типичный» городской конфликт длится девять месяцев и включает в себя шесть публичных взаимодействий между участниками

(то есть полтора взаимодействия в месяц). Половина эпизодов небольшие по продолжительности и частоте взаимодействия (рис. 1 Приложения).

Между городами исследований наблюдается значительная вариация по агрегированным характеристикам. Эти данные демонстрируют существенные различия по каждой из характеристик: по общему числу конфликтов лидируют Москва, Санкт-Петербург и Новосибирск (самые крупные города), однако по средней продолжительности это Воронеж, Пермь и Самара. Екатеринбург, Уфа и Санкт-Петербург лидируют по числу взаимодействий за эпизод. Столица Урала также является абсолютным лидером по интенсивности: среднее число взаимодействий за месяц составляет 2,4. При этом наиболее интенсивным эпизодом в нашей выборке оказался конфликт вокруг строительства завода «Кроношпан» в Уфе, в котором насчитывается 81 взаимодействие за чуть более чем два года (3,2 взаимодействия в месяц в среднем). Самый длительный конфликт (около восьми лет) был зафиксирован в Екатеринбурге по поводу застройки Березовой рощи, в других городах есть схожие по продолжительности эпизоды (в Перми — конфликт вокруг Черняевского леса, в Санкт-Петербурге — вокруг парка Малиновка и т. д.). Таким образом, можно заключить, что городской контекст имеет значение для разворачивающихся конфликтов: в одних городах их немного, но они продолжительны (Воронеж), в других они малозаметны в принципе (Ростов-на-Дону), в третьих городская мобилизация составляет неотъемлемую часть повседневной жизни (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск).

Таблица 1. Агрегированные характеристики эпизодов по городам исследования

Город	Число конфликтов	Средняя продолжительность (в месяцах)	Среднее число взаимодействий (медиана)	Средняя интенсивность
Волгоград	16	7,5	6,5	1,61
Воронеж	10	21	7,5	1,15
Екатеринбург	23	10	11	2,39
Казань	18	6	5,5	1,77
Красноярск	10	6,5	3,5	1,07
Москва	40	8	6	1,36
Нижний Новгород	17	9	7	1,34
Новосибирск	35	11	5	1,11
Омск	4	10	6	1,72
Пермь	18	13,5	6	1,53
Ростов-на-Дону	9	2	3	1,32
Самара	10	13	6	1,01

Санкт-Петербург	33	9	9	1,55
Уфа	6	9	10,5	1,79
Челябинск	10	11,5	5,5	0,83
Среднее по выборке	17,3	9	6	1,46

Источник: данные автора.

Помимо городского контекста вариация в темпоральных характеристиках наблюдается и между различными типами городских конфликтов. В таблице 2 приведена описательная статистика по тем же характеристикам, что и выше. Подавляющее большинство эпизодов разворачивается вокруг застройки рекреационных зон (парков, скверов и городских лесов), уплотнительной застройки, крупных инфраструктурных проектов и защиты историко-культурного наследия. 43 эпизода (16,6%) носят смешанный характер, то есть могут включать несколько аспектов трансформации городской территории, приоритет в которых невозможно было различить. Как видно из таблицы, наиболее продолжительными в выборке являются конфликты в категории «Экология»: строительство объектов, которые несут угрозу окружающей среде, таких как завод «Кроношпан» в Уфе, завод ферросплавов в Красноярске и сети АЗС в Волгограде. Эти конфликты также отличаются высокой интенсивностью. Продолжительными являются эпизоды, связанные со сносом ветхих зданий (в среднем они занимают год).

Единственный конфликтный эпизод, который мы однозначно отнесли к «символическим», развернулся вокруг переименования улицы Эсперанто в Казани, он продолжался более чем полгода и закончился решением Верховного суда. Этот эпизод интересен тем, что столкнулись интересы двух различных групп горожан (одна сторона выступала за переименование улицы в честь президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, другая выступала против), что подтверждает полученные ранее выводы о разнообразии конфигураций городских конфликтов, несводимых только к противоречиям между застройщиками и горожанами (Желнина, Тыканова, 2021).

Таблица 2. Агрегированные характеристики эпизодов по типам конфликта

Тип конфликта	Число конфликтов	Средняя продолжительность (в месяцах)	Среднее число взаимодействий	Средняя интенсивность
Застройка рекреационных зон	64	10	7	1,28
Уплотнительная застройка	52	8,5	4	1,10
Смешанный тип	43	10	7	1,34
Инфраструктура	38	10	5,5	1,46

Защита историко-архитектурных объектов	31	8	9	1,91
Другое	12	4	7	3,01
Социальная инфраструктура	7	5	6	1,72
Снос	5	12	6	1,50
Экология	4	20,5	16,5	1,91
Расселение	2	9	5,5	0,73
Символические аспекты	1	7	17	2,43
Среднее по выборке	23,5	9	7	1,67

Источник: данные автора

Защита историко-культурного наследия также отличается интенсивностью по соотношению числа взаимодействий на единицу времени. При медианной продолжительности в восемь месяцев среднее число взаимодействий насчитывает девять различных «актов» (почти два зафиксированных действия в месяц в среднем). Треть таких эпизодов сконцентрирована в Санкт-Петербурге, что отражает особое положение города с точки зрения историко-архитектурного наследия, а также отношение власти и активистов к нему. Москва с семью эпизодами этого типа и Екатеринбург с пятью идут за Северной столицей. Следующими за защитным движением по интенсивности являются эпизоды, разворачивающиеся вокруг социальной инфраструктуры. Их продолжительность ниже среднего (всего пять месяцев), однако медиана числа действий равна шести, что делает их достаточно интенсивными.

Конфликты вокруг «зеленых зон» и уплотнительной застройки, а также смешанный тип эпизодов близки по своим темпоральным характеристикам между собой. Их объединяет содержательная сторона: вмешательство застройщиков в пространство «соседств» и реакция последних на него. В отличие от «общегородской» мобилизации по поводу крупных инфраструктурных проектов или защиты наследия, эти конфликты более локализованы. Наименее интенсивно развиваются эпизоды по расселению: в нашей выборке к таковым относятся расселение домов т.н. Архиерейской слободы в Уфе, на месте которой был построен Конгресс-холл, и жильцов дома на ул. Гривской в Казани.

Анализ последовательностей в городских конфликтах: борьба вокруг парков и уплотнительной застройки

Сформированная база данных позволяет сфокусироваться на основном предмете настоящей статьи — последовательностях взаимодействий. Для иллюстративных

целей выбрано две наиболее распространенных категории эпизодов: защиту рекреационных («зеленых») зон и уплотнительная застройка. Оба типа конфликтов представляют собой непосредственное вторжение в «жизненный мир» горожан: парки, скверы и другие публичные пространства являются не только «рекреационными объектами», но и местами, наделенными общественным или личным значением. Неопределенность правового статуса парковых территорий зачастую становится основанием для их застройки (см., например: Туканова, Khokhlova, 2020). Уплотнительная застройка (которая нередко может касаться «зеленых зон») также непосредственно угрожает сложившемуся укладу жизни на уровне районов и городских соседств.

Парковые зоны — одна из наиболее уязвимых городских территорий с точки зрения защиты общественных интересов. По количеству таких конфликтов лидирует Москва (10), за которой следуют Санкт-Петербург и Новосибирск (по 8). В Уфе и Ростове-на-Дону мы обнаружили лишь по одному конфликту, а в Красноярске за период с 2010 по 2015 год не было найдено публичной информации о такого рода эпизодах. Успех в этих конфликтах несколько чаще бывает на стороне жителей: отмена проекта встречается в 39%, а значительные уступки в 17% случаев, тогда как успешная имплементация случилась в 29,7%, а незначительные уступки — в 12,5%. При этом эпизоды значительно отличаются по продолжительности (от кратковременных стычек до многолетнего противостояния, например, вокруг городских лесов) и количеству действий: самый «длинный» эпизод насчитывает 54 взаимодействия (борьба за сохранение Черняевского леса от вырубки в Перми) с медианным значением в семь актов.

Жители являются наиболее активными действующими лицами в этих конфликтах: 40% зафиксированных действий приходится на них. Действия агентов публичной власти составляют 15,8%, а застройщиков — 9,3% от общего числа взаимодействий. Довольно часто — в 13,7% наблюдениях — случаются разного рода события медиации (общественные слушания, круглые столы, рабочие группы), инициатором которых в подавляющем большинстве являются правительственные акторы, но действия одновременно предпринимают все стороны. «Четвертые стороны» (партии, общественные организации, медиа) довольно редко вмешиваются в ход событий, на них приходится 6,4% действий. Суды и органы правоприменения, которые в анализе ниже также отнесены к «четвертой стороне», еще реже (5% и 3% соответственно).

Вероятность успеха на стороне жителей несколько возрастает с увеличением числа действий в эпизоде: если в конфликтах до медианного значения по числу эпизодов число их «побед» составляет 50%, то в конфликтах с большим числом взаимодействий оно возрастает до 64,3%. При этом динамика оспаривания может характеризоваться множественными поворотами, как это произошло с Черняевским лесом в Перми: в ответ на инициативу губернатора Пермского края Виктора Басаргина по переносу городского зоопарка на территорию леса в начале 2013 года мобилизовалась сеть активистов и организаций, которые в январе 2014 года объ-

единились в «Зеленую коалицию». Борьба велась одновременно на многих аренах: от уличных акций (самый большой митинг собрал до 500 человек) и общественных слушаний до городской думы, в которой решался вопрос об изменении границ особо охраняемой природной территории «Черняевский лес». «Зеленая коалиция» безуспешно пыталась оспорить поправки в генеральный план города, позволяющие застройку леса, однако сумела найти поддержку в лице Министерства природных ресурсов, а также ряда известных деятелей и политиков федерального уровня. В итоге в мае 2015 года власти отказались от своих планов, хотя борьба за сохранение Черняевского леса продолжилась уже в других эпизодах.

Рисунок 1. Последовательности действий основных акторов в эпизодах, связанных с защитой «зеленых зон» (без Черняевского леса)

Такого рода паттерн — когда промежуточный результат постоянно меняется в чью-либо сторону, а время от времени в конфликт вмешиваются суды, правоохранители и другие «четвертые стороны» — достаточно распространен. На рисунке 1 представлены последовательности для всех «парковых» конфликтов (кроме Черняевского леса, из-за большого числа действий в нем) в нашем анализе. Цветом фиксируются действия того или иного актора. Из нее следует, например, что они могут не только реагировать на действия друг друга, но и реализовывать последовательные стратегии (несколько действий подряд). Также график демонстрирует, что в некоторых конфликтах доминируют жители (например, в нижегородском конфликте вокруг строительства аквапарка в Автозаводском парке), в других можно отметить паритет между сторонами конфликта (строительство спортивно-тренировочного комплекса в парке Дружбы в Москве) или преобладание каких-либо «четвертых сторон» (мобилизация против вырубki деревьев на бульваре Славы под трамвайные пути в Уфе).

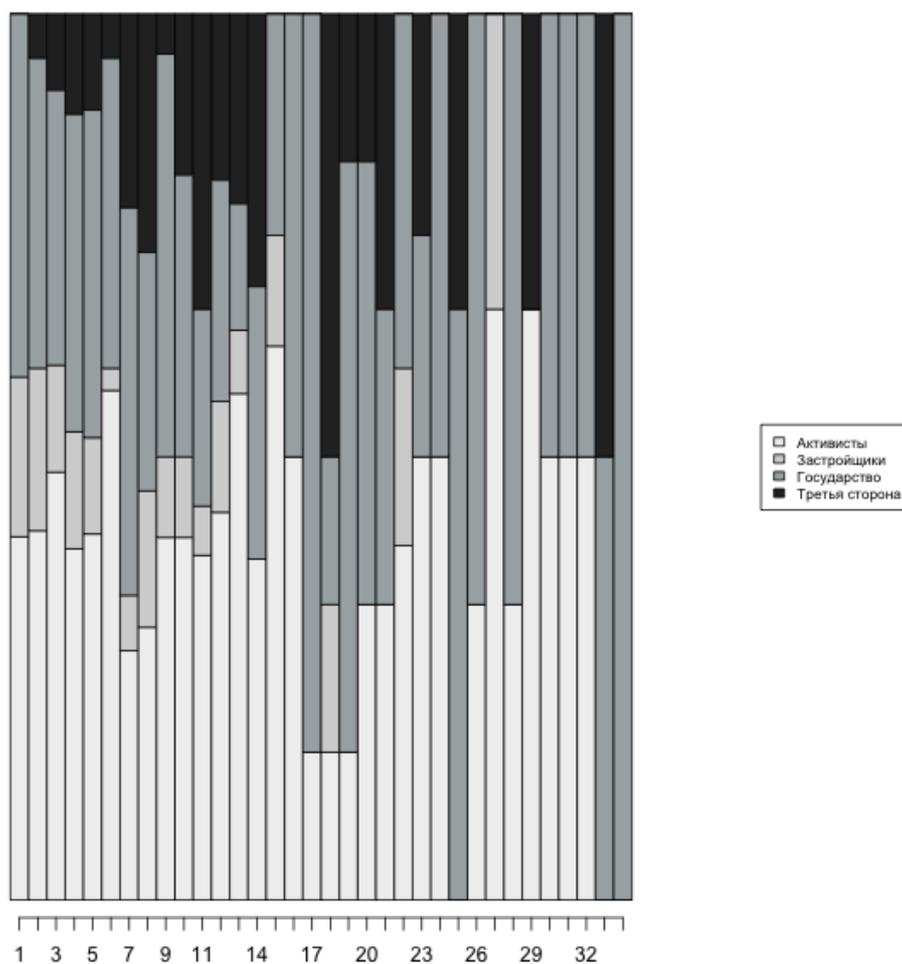

Рисунок 2. Пропорции действий основных акторов на каждом из шагов взаимодействия (без Черняевского леса)

Другим способом анализа данных является рассмотрение относительной частоты действий основных сторон в динамике на каждом из шагов конфликта. Рисунок 2 отражает долю действий основных акторов на каждом из них. В целом доля действий активистов остается достаточно высокой вплоть до разрешения конфликта, также заметен «волновой» паттерн в их активности, зеркальным отражением которого выступают действия власти. Застройщики активны на начальных стадиях, но в дальнейшем их действия обусловлены достижениями/провалами на предыдущих этапах. В продолжительных по числу действий конфликтах их активность сходит на нет. Ближе к середине становится активной «четвертая сторона» (депутаты, прокуратура, суды). Публичная власть проявляет постоянную активность, реагируя в первую очередь на действия жителей и за ней зачастую остается «последнее слово». Другим наблюдением, связанным с обозначенным выше увеличением числа «успешных» для горожан исходов в продолжительных конфликтах, является предположение о том, что затягивание «парковых» конфликтов заставляет публичную власть в какой-то момент активнее вмешиваться в этот процесс и идти на уступки, например, в связи с предстоящими выборами или в силу общественного резонанса. Наличие у жителей ресурсов и возможностей не выходить из игры и продолжать действовать является одним из ключевых факторов в получении уступок со стороны власти или застройщиков.

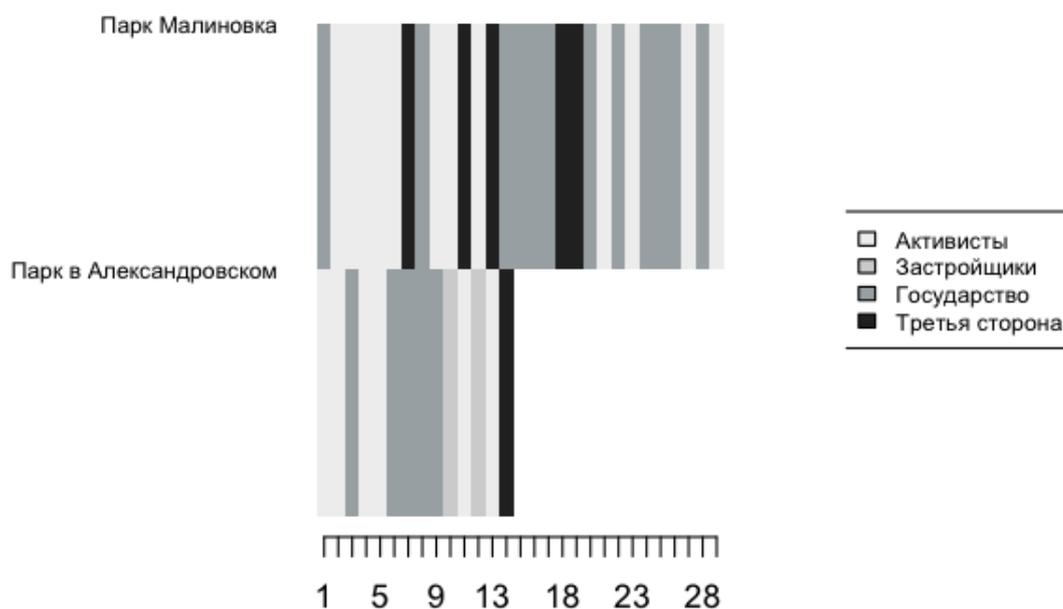

Рисунок 3. Последовательности взаимодействий в конфликтах вокруг парка Малиновка (Санкт-Петербург) и парка в мкр-не Александровка (Ростов-на-Дону)

Этот аргумент можно проиллюстрировать с помощью парного сравнения двух эпизодов, имеющих почти одинаковую продолжительность (около семи лет), но с разными исходами. В Ростове-на-Дону с 2013 по 2019 год жители микрорайона Александровка

пытались отстоять парк. Жители мобилизовались на митинги, сбор подписей, обращения в органы власти и суды, но в итоге деревья были вырублены, а иски к застройщику не удовлетворены. В Санкт-Петербурге также с 2013 по 2019 год длилось противостояние между жителями и РПЦ, которая решила построить храм на территории парка Малиновка. Формально этот эпизод завершился в пользу жителей после включения парка в перечень «зеленых насаждений общего пользования городского значения». В обоих случаях стороны конфликта привлекли значительные ресурсы и сторонников, но в Ростове-на-Дону «наступление» со стороны жителей сменилось ответом со стороны застройщика, власть выступила на стороне последнего, а суды не помогли. В ситуации с Малиновкой жители действовали активно на протяжении всего эпизода и реагировали на каждую попытку инициатора проекта добиться своего (рис. 3). Городская исполнительная власть как минимум пыталась деэскалировать ситуацию, а также прибегала к институтам медиации, тогда как Законодательное собрание Санкт-Петербурга поддерживало РПЦ. Одним из ключевых событий стала смена губернатора в городе: новый губернатор поддержал активистов, что стало возможным в том числе благодаря организованному и постоянному давлению со стороны последних.

Схожие с защитой парков паттерны наблюдаются и в эпизодах уплотнительной застройки. В нашу базу данных было включено 52 таких эпизода в каждом из городов-миллионников, при этом они достаточно равномерно распределены между городами, выделяется только Новосибирск с 11 конфликтами. В половине случаев это довольно непродолжительные конфликты с числом взаимодействий до четырех, из которых меньше половины (39,3%) завершились в пользу жителей. Эпизоды с более длительными последовательностями (19 в нашем анализе) привели к успеху активистов в 79,2% случаев, что подтверждает предыдущее предположение о связи между числом взаимодействий и исходом конфликта. Самый «длинный» конфликт в 25 действий имел место в Волгограде, где жители Спартановки мобилизовались против строительства АЗС, которую в итоге вынуждены были снести по решению суда.

Жители занимают достаточно активную позицию в данном типе конфликта: на них приходится 35% действий. Правительство и застройщики совершают 20% и 15% соответственно, последние проявляют себя активнее и настойчивей, чем в случае с парками. Действия «четвертой стороны» представлены в основном судами и органами правоприменения — 6% и 2% от общего числа соответственно. Примерно каждое десятое действие (11%) приходится на разного рода медиацию (общественные слушания, круглые столы, рабочие группы и др.), инициируемую исполнительной властью или близкими к ней организациями, такими как Общероссийский народный фронт. Иными словами, конфликты вокруг уплотнительной застройки мобилизуют достаточно широкий круг участников. На рисунке 4 представлены последовательности действий основных акторов. Как и в случае с защитой парков, последовательности крайне разнообразны: например, в Уфе при строительстве торгового центра на улице Рабкоров жители возмутились сносом детской площадки. Действия жителей, застройщиков и публичной власти последовательно сменяли друг друга на протяжении всего эпизода, в результате чего застройщик,

не отказавшись от плана по строительству торгового центра, компенсировал снос строительством двух новых площадок. Сам конфликт включал физическое противостояние местных жителей со строителями, петиционные и уличные кампании, судебные иски и обращения в администрацию города. Другая последовательность наблюдалась с застройкой на проспекте Кораблестроителей, которая также закончилась неудачей для местных жителей: активное давление активистов, которое включало митинги и перекрытие подъезда к месту строительства, сменилось взаимными судебными исками, где инициативу перехватил застройщик. Контрастным примером, где жители сохранили инициативу в проведении уличных и петиционных кампаний и добились результата, является эпизод на ул. Ковалихинская в том же Нижнем Новгороде, где также использовался широкий репертуар: от народного схода и обращений в органы власти, до блокировки места строительства и петиций.

Рисунок 4. Последовательности действий основных акторов в эпизодах, связанных с уплотнительной застройкой

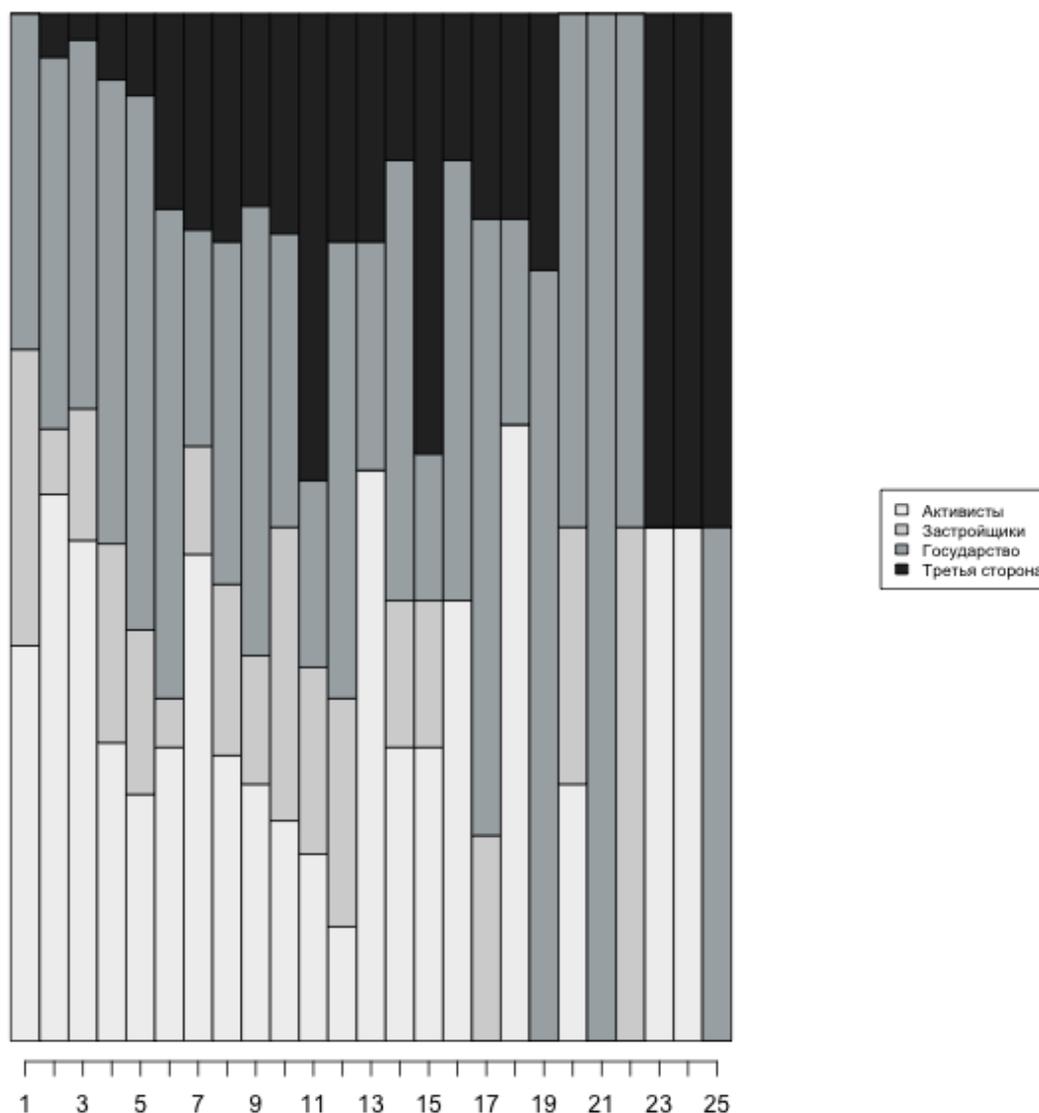

Рисунок 5. Пропорции действий основных акторов в эпизодах, связанных с уплотнительной застройкой

Основные акторы остаются активными на всех этапах последовательности, хотя для активистов характерен волновой паттерн (как показано на рис. 5). Примерно с середины последовательности повышается активность судов и органов правоприменения (в основном прокуратуры) в качестве «четвертой стороны», что вполне логично, поскольку если конфликт не удастся решить изначальной мобилизацией, стороны начинают прибегать к арбитражу. Поскольку длительных последовательностей не так много, с увеличением их числа снижается и разнообразие акторов, на поздних стадиях действия судов или правительственных акторов становятся завершающими.

Эмпирический анализ последовательностей двух наиболее распространенных типов городских конфликтов ставит перед социологией города новые вопросы: во-первых, мы наблюдаем существенные различия в характере городской мобилизации между городами и типами конфликтов, что указывает на значимость контекста и ставит под сомнение генерализации, основанные на отдельных случаях. Действие общих для всех городов структурных сил (например, дерегуляция городского развития и властный дисбаланс, как описывается в: Семенов и др., 2018; Семенов, Гилева, 2022) опосредуется локальными факторами, такими как городские коалиции (Бедерсон, Минаева, 2024; Тыканова, Шевцова, Желнина, 2024). Во-вторых, внутри одинаковых категорий конфликтов в пределах одного и того же города конфликтные эпизоды разворачиваются по-разному, а их исход остается непредсказуемым.

Повторяемость действий и стадий («плюрисектальность») также подтверждается эмпирически: ни граждане, ни их противники не спешат сдаваться, даже если на промежуточных стадиях они сталкиваются с серьезным сопротивлением. Упорство сторон может стать предметом отдельного анализа как с точки зрения теории рационального выбора (почему игроки считают необходимым сопротивляться действиям друг друга, особенно если вопрос может восприниматься как решенный), так и с точки зрения альтернативных социологических моделей. Со стороны жителей настойчивость и способность сохранять активность даже после промежуточных провалов, кажется, повышает шансы на успех. Но в целом городские конфликты остаются сферой неопределенности, что подтверждает их процессуальный характер — многое зависит не только (и, может, не столько) от структурных факторов, сколько от способности акторов распознавать в текущей обстановке возможности для действий, которые, в свою очередь, «не обязательно резко» (как писал Стоун), меняют направление эпизода в ту или иную сторону.

Заключение

Пространство постсоветских городов было и остается объектом притязаний множества индивидуальных и коллективных акторов, отстаивающих свое видение городского развития и индивидуальные/коллективные интересы, которые, однако, не являются стабильными, но могут переопределяться в результате взаимодействия с другими действующими лицами городской драмы. Изучение отдельных случаев противостояния в треугольнике «жители — публичная власть — застройщики» позволило значительно продвинуться в понимании выбора стратегий и репертуара действий сторонами конфликта, роли контекста и ресурсов, необходимых для достижения целей, а также детерминант исхода конфликтов (Желнина, Тыканова, 2019; Кольба, 2020). Интеграция социологического знания в этой области и проверка за счет систематического сравнения представляются важными задачами на ближайшее будущее.

Признание важности темпорального аспекта и разработку социологических инструментов его анализа следует считать важным шагом в этом направлении. Городская жизнь, неотъемлемой частью которой является коллективное оспаривание проектов изменения городского пространства, через призму социологии процессуальности видится не набором действующих независимо друг от друга индивидов и групп, но потоком событий, вокруг которых выстраиваются связи, (пере)определяются интересы и предпочтения и создаются условия для дальнейших действий. Предложенный в настоящей статье метод анализа конфликтных эпизодов, безусловно, схематичен и касается лишь основного «событийного скелета», вне фокуса которого остаются закулисные переговоры, кухонные посиделки соседей, рутинная работа юристов и множество других действий, определяющих общий курс городских конфликтов. Однако фиксируя публичную событийность эпизодов, данный метод дает возможность выявить общие паттерны и производить фокусированные сравнения, что в диалоге с исследованиями на микроуровне позволит лучше понять динамику оспаривания в городской политике.

Проведенный анализ демонстрирует, что какого-либо однозначного набора сценариев в последовательностях конфликтов по поводу парковых зон и уплотнительной застройки не существует. Стороны могут менять темп и направление своих действий (например, новый губернатор или мэр могут отменить решения своих предшественников), реагировать или оставлять без ответа действия контрагентов, однако наиболее фундаментальным выбором является решение продолжать отстаивать свои интересы или сойти с дистанции. В этой перспективе некоторые конфликты выглядят как «спринт», где стороны быстро обмениваются публичными сигналами и одна из них уступает, понимая, что дальнейшие действия бесполезны, или не имея ресурсов на продолжение борьбы. Другие конфликты представляют собой «марафон», где важны не только ресурсы, но и способность стратегически удерживать инициативу и настаивать на своем.

Более систематическая проверка предположений о возможных «кластерах» конфликтов на основе собранных данных еще только предстоит, тем не менее проделанный анализ уже позволяет выявить как некоторые общие эмпирические закономерности (например, распределение активности между «стилизованными акторами» или наиболее частые типы конфликтов), так и существенные различия между городами и типами конфликтов. Дальнейшая работа с «процессуальностью» городских конфликтов может касаться типологизации отдельных типов событий (триггеров, поворотных событий или затворов), что дает возможность более целенаправленно сравнивать последовательности между собой. В любом случае возвращение «процессуальности» в анализ городской политики представляется необходимым шагом для развития социологии города и городских конфликтов.

Литература

- Бедерсон В. Д., Минаева Э. Ю.* (2024). Свои люди — сочтемся: условия централизации муниципальных полномочий в градостроительной сфере // Социологическое обозрение. Т. 23. № 2. С. 67-89.
- Бедерсон В. Д., Шевцова И. К.* (2021). Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 285-300.
- Желнина А. А., Тыканова Е. В.* (2019). Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. № 1. С. 162-192.
- Желнина А. А., Тыканова Е. В.* (2021). «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 205-222.
- Желнина А. А., Семенов А. В., Тыканова Е. В.* (2022). Методология изучения городских конфликтов: уровни масштабирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 49-71.
- Кольба А. И.* (2020). Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // Политическая наука. № 3. С. 52-73.
- Семенов А. В., Минаева Э. Ю.* (2021). Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 189-204.
- Тыканова Е. В., Шевцова И. К., Желнина А. А.* (2024). Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах // Социологическое обозрение. Т. 23. № 2. С. 90-119.
- Тыканова Е. В., Хохлова А. М.* (2020). Множественные сценарии развития городских локальных конфликтов в Нижнем Новгороде: стратегическая интеракционная перспектива // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров; ред. Е. Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН. С. 2774-2785.
- Abbott A.* (1988). Transcending general linear reality // Sociological theory. Vol. 6. № 2. P. 169-186.
- Bojar A., Kriesi H.* (2021). Action repertoires in contentious episodes: What determines governments' and challengers' action strategies? A cross-national analysis // European Journal of Political Research. Vol. 60. № 1. P. 46-68.
- Carothers T.* (2007). The 'Sequencing' Fallacy // Journal of Democracy. Vol. 18. № 3. P. 13-27.
- Coppedge M.* (2017). Eroding Regimes: What, Where, and When? // V-Dem Working Paper Series. № 57.
- Degen M.* (2018). Timescapes of urban change: The temporalities of regenerated streets // The Sociological Review. Vol. 66. № 5. P. 1074-1092.

- Casper G., Wilson M.* (2015). Using sequences to model crises // *Political Science Research and Methods*. Vol. 3. № 2. P. 381-397.
- Jones B. T., Metzger S. K.* (2018). Evaluating conflict dynamics: A novel empirical approach to stage conceptions // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 62. № 4. P. 819-847.
- King B. G., Jasper J. M.* (2022). Strategic interactions and arenas: A sociological perspective on strategy // *Strategic Organization*. Vol. 20. № 4. P. 810-820.
- Kriesi H., Hutter S., Bojar A.* (2019). Contentious episode analysis // *Mobilization: an international quarterly*. Vol. 24. № 3. P. 251-273.
- Kriesi H., Hutter S., Bojar A., Altiparmakis A., Gessler T., Hunger S., Pilati K., Schulte-Cloos J.* (2021). Introduction: A New Approach for Studying Political Contention — Contentious Episode Analysis // *Contentious Episodes in the Age of Austerity: Studying the Dynamics of Government–Challenger Interactions* / A. Bojar, S. Hutter, H. Kriesi (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 2-23.
- Mansfield E., Snyder J.* (2007). The Sequencing “Fallacy” // *Journal of Democracy*. Vol. 18. № 3. P. 5-10.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C.* (2002). *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C.* (2008). Methods for measuring mechanisms of contention // *Qualitative sociology*. Vol. 31. P. 307-331.
- Wunsch N., Blanchard P.* (2022). Patterns of democratic backsliding in third-wave democracies: a sequence analysis perspective // *Democratization*. Vol. 30. № 2. P. 278-301.
- Owens B. R.* (2012). Mapping the city: Innovation and continuity in the Chicago School of Sociology, 1920–1934 // *The American Sociologist*. № 43. P. 264-293.
- Page S. E.* (2006). Path dependence // *Quarterly Journal of Political Science*. Vol. 1. № 1. P. 87-115.
- Park R. E., Burgess E. W.* (2019). *The City*. Chicago: University of Chicago Press.
- Pierre J.* (2011). *The politics of urban governance*. London: Bloomsbury Publishing.
- Pierson P.* (2000). Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *American Political Science Review*. Vol. 94. № 2. P. 251-267.
- Rast J.* (2012). Why history (still) matters: Time and temporality in urban political analysis // *Urban Affairs Review*. Vol. 48. № 1. P. 3-36.
- Studer M., Ritschard G.* (2016). What matters in differences between life trajectories: A comparative review of sequence dissimilarity measures // *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*. Vol. 179. № 2. P. 481-511.
- Sampson R. J.* (2012). *Great American city: Chicago and the enduring neighborhood effect*. University of Chicago Press.
- Tilly C.* (2008). *Contentious performances*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tykanova E., Khokhlova A.* (2020). Grassroots urban protests in St. Petersburg: (Non-) participation in decision-making about the futures of city territories // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. Vol. 33. P. 181-202.
- Zhelnina A.* (2022). Bring your own politics: Life strategies and mobilization in response to urban redevelopment // *Sociology*. Vol. 56. № 4. P. 783-799.

Processuality of Urban Conflicts: Sequence Analysis of Urban Contention in Russia

Andrei Semenov

Candidate of Political Sciences, Senior Researcher at the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Assistant Professor at the Department of Political Science and International Affairs, Nazarbayev University.

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 25/14, Saint-Petersburg, 190005 Russian Federation

E-mail: andrey.semenov@nu.edu.kz

Urban conflicts are usually analyzed in a spatial way — as claims by several parties to transform the physical or symbolic aspects of urban space. However, conflicts, by definition, unfold not only in space but also in time: as a sequence of interconnected events of a certain duration. In this article, relying on the “sociology of processuality” by Andrew Abbott and the methodology for conflict episodes analysis, I consider one of the temporal dimensions of urban conflicts — the ordering of actions in time (sequencing). The selection of analytical tools for analyzing event sequences is carried out taking into account their key features: the “path dependency” (dependence of the current situation on past states of the process) and “plurisectality” (repetition of the same stages in an episode of conflict). The analysis of urban conflict episodes serves as an instrument that allows to track the interactions between the challengers (active citizens) and the initiators of urban transformation projects (developers or public authorities), with the addition of a “fourth party” acting as a mediator or ally of the main participants in the conflict. The database of urban conflicts in Russian cities with a population of over a million built in accordance with this logic, makes it possible to examine the sequences more closely and conduct an exploratory analysis of its variation. Collected data on 259 conflicts show that there are significant differences between cities and conflict types in average estimates of duration, length and intensity of conflicts. An analysis of the sequences in conflicts over the development of recreational areas and infill development also indicates significant diversity in the content of conflict episodes, but the common denominator is the active role of citizens and public authorities, with a much smaller share of the actions of developers and the fourth party. Half of the sequences are short (up to 5-6 actions), while long episodes with a large number of actions slightly increase the likelihood of a favorable outcome for residents. The study contributes to the discussion on urban conflict patterns and their temporal aspects.

Keywords: urban conflicts, contention politics, collective action, processuality, temporality

References

- Abbott A. (1988) Transcending general linear reality. *Sociological theory*, vol. 6, no 2, pp. 169-186.
- Bederson V., Shevtsova I. (2021) Zastroichiki, partiya vlasti i nemnogo konkurentсии: tipologiya gorodskih rejimov v 2010-e gg. [Developers, party of power and a modicum of a competition: urban regime typology in 2010s]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 19, no 2, pp. 285-300.
- Bojar A., Kriesi H. (2021) Action repertoires in contentious episodes: What determines governments' and challengers' action strategies? A cross-national analysis. *European Journal of Political Research*, vol. 60, no 1, pp. 46-68.
- Carothers T. (2007) The ‘Sequencing’ Fallacy’. *Journal of Democracy*, vol. 18, no 3, pp. 13-27.

- Coppedge M. (2017) Eroding Regimes: What, Where, and When?. *V-Dem Working Paper Series*, no 57.
- Degen M. (2018) Timescapes of urban change: The temporalities of regenerated streets. *The Sociological Review*, vol. 66, no 5, pp. 1074-1092.
- Casper G., Wilson M. (2015) Using sequences to model crises. *Political Science Research and Methods*, vol. 3, no 2, pp. 381-397.
- Jones B. T., Metzger S. K. (2018) Evaluating conflict dynamics: A novel empirical approach to stage conceptions. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 62, no 4, pp. 819-847.
- Kol'ba A. I. (2020) Issledovanie regional'nyh i gorodskih politicheskikh konfliktov: osnovnye koncepty i perspektivy razvitija subdisciplin [Study of regional and urban political conflicts: the key concepts and prospects for the discipline's development]. *Politicheskaja nauka*, vol. 3, pp. 52-73.
- Kriesi H., Hutter S., Bojar A. (2019) Contentious episode analysis. *Mobilization: an international quarterly*, vol. 24, no 3, pp. 251-273.
- Kriesi H., Hutter S., Bojar A., Altiparmakis A., Gessler T., Hunger S., Pilati K., Schulte-Cloos J. (2021) Introduction: A New Approach for Studying Political Contention — Contentious Episode Analysis. *Contentious Episodes in the Age of Austerity: Studying the Dynamics of Government–Challenger Interactions* (eds. A. Bojar, S. Hutter, H. Kriesi), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 2-23.
- King B. G., Jasper J. M. (2022) Strategic interactions and arenas: A sociological perspective on strategy. *Strategic Organization*, vol. 20, no 4, pp. 810-820.
- Mansfield E., Snyder J. (2007) The Sequencing “Fallacy”. *Journal of Democracy*, vol. 18, no 3, pp. 5-10.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. (2002) *Dynamics of Contention*, Cambridge: Cambridge University Press.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. (2008) Methods for measuring mechanisms of contention. *Qualitative sociology*, vol. 31, pp. 307-331.
- Owens B. R. (2012) Mapping the city: Innovation and continuity in the Chicago School of Sociology, 1920–1934. *The American Sociologist*, vol. 43, pp. 264-293.
- Page S. E. (2006) Path dependence. *Quarterly Journal of Political Science*, vol. 1, no 1, pp. 87-115.
- Park R. E., Burgess E. W. (2019) *The City*, Chicago: University of Chicago Press.
- Pierre J. (2011) *The politics of urban governance*, London: Bloomsbury Publishing.
- Pierson P. (2000) Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *American Political Science Review*, vol. 94, no 2, pp. 251-67.
- Rast J. (2012) Why history (still) matters: Time and temporality in urban political analysis. *Urban Affairs Review*, vol. 48, no 1, pp. 3-36.
- Sampson R. J. (2012) *Great American city: Chicago and the enduring neighborhood effect*, Chicago: University of Chicago Press.
- Semenov A. V., Minaeva E. Yu. (2021) Goroda rashodjašihsja ulic: razvitie gorodskih konfliktov v Rossii 2010-h. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 19, no 2, pp. 189-204.

- Studer M., Ritschard G. (2016) What matters in differences between life trajectories: A comparative review of sequence dissimilarity measures. *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*, vol. 179, no 2, pp. 481-511.
- Tilly C. (2008) *Contentious performances*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Tykanova E. V., Khohlova A. M. (2020) Mnozestvennye scenarii razvitiya gorodskih lokal'nyh konfliktov v Niznem Novgorode: strategicheskaja interakcionnaja perspektiva [Multiple scenarios of urban local conflicts' development in Nizhnii Novgorod: the strategic interactionist perspective]. *Sociologija i obschestvo: tradicii i innovacii v social'nom razvicii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossijskogo sociologičeskogo kongressa* (Tjumen', 14–16 oktjabrja 2020 g.) (eds. V. A. Mansurov, E. Ju. Ivanova), Moscow: ROS; FNISC RAN, pp. 2774-2785.
- Tykanova E., Khokhlova A. (2020) Grassroots urban protests in St. Petersburg: (Non-) participation in decision-making about the futures of city territories. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 33, pp. 181-202.
- Wunsch N., Blanchard P. (2022) Patterns of democratic backsliding in third-wave democracies: a sequence analysis perspective. *Democratization*, vol. 30, no 2, pp. 278-301.
- Zhel'nina A. (2022) Bring your own politics: Life strategies and mobilization in response to urban redevelopment. *Sociology*, vol. 56, no 4, pp. 783-799.
- Zhel'nina A. A., Tykanova E. V. (2019) Formal'nye i neformal'nye grazdanskije infrastruktury: sovremennye issledovanija gorodskogo lokal'nogo aktivizma v Rossii [Formal and informal civic infrastructures: contemporary studies of urban local activism in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 22, no 1, pp. 162-192.
- Zelnina A. A., Tykanova E. V. (2021) «Igroki» na «arenah»: analiz vzaimodejstvij v gorodskih lokal'nyh konfliktah (sluchaj Sankt-Peterburga i Moskvy) [Players on arenas: analysis of interactions in urban local conflicts (cases of Moscow and Saint-Petersburg)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 19, no 2, pp. 205-222.
- Zhel'nina A. A., Semenov A. V., Tykanova E. V. (2022) Metodologiya izucheniya gorodskih konfliktov: urovni mashtabirovaniya [The Methodology for Studying Urban Conflicts: Levels of Scaling]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 5, pp. 49-71.

Приложение

Кодировочная схема (инструкция)

База данных «Городские конфликты в России» разрабатывается в рамках проекта «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий». Задача создания базы данных — систематизация информации о взаимодействиях участников городских конфликтов и их исходов. Единица анализа в проекте — *городской конфликт*, понимаемый как *последовательные публичные взаимодействия между активистами, городскими*

властями, застройщикам и другими релевантными сторонами, цель которых — оспаривание изменений физических или символических аспектов городского пространства. Внутри конфликта нас интересуют взаимодействия между участниками и сторонами конфликта. Взаимодействие подразумевает реакцию одного актора на действия другого по поводу какого-либо аспекта городского конфликта.

Участники конфликта включают *инициаторов* городских трансформаций (застройщика или представителей власти) и *городских активистов*, которые не согласны с предлагаемыми изменениями. Последняя группа может включать как индивидов, так и их группы, как профессиональных активистов, так и простых граждан, как организованный, так и нет; важно, что они публично проявляют свое несогласие с действиями инициаторов проекта. *Третья сторона* может активно поддерживать одного из участников, либо выступать медиатором в конфликте. Например, политическая партия или НКО может поддержать жителей в борьбе против уплотнительной застройки.

Взаимодействия происходят на определенной *арене* — физическом пространстве с установленными правилами — при помощи *репертуара* — набора возможных действий. Конфликт имеет *исход* — завершение последовательности взаимодействия по поводу данного конфликта, которые подразумевает прекращение взаимодействия между игроками и окончательное решение в отношении изначального проекта.

Таким образом, *единицей наблюдения* в базе данных является действие отдельного актора в отношении другого по поводу анализируемого конфликта. Каждое действие участников и третьих сторон кодируется ОТДЕЛЬНОЙ СТРОКОЙ, в которой фиксируется контекст (общие для всего конфликта переменные), инициатор действия, само действие, на кого оно направлено, арену. На которой действие происходит и ряд других характеристик. Общую информацию по конфликту нужно вводить после того, как составлено окончательное представление о его характеристиках (датах начала и конца, продолжительности, типе конфликта — см. переменные, начинающиеся на conflict).

Конфликт считается *начавшимся* с момента первых публичных действий по оспариванию проекта (акции протеста, заявления в СМИ, открытые письма, судебные тяжбы), *завершенным* — если с момента последних публичных взаимодействия участников конфликта прошел один год (таким образом, если по поводу того же объекта возникает противостояние спустя год, такой конфликт считается новым).

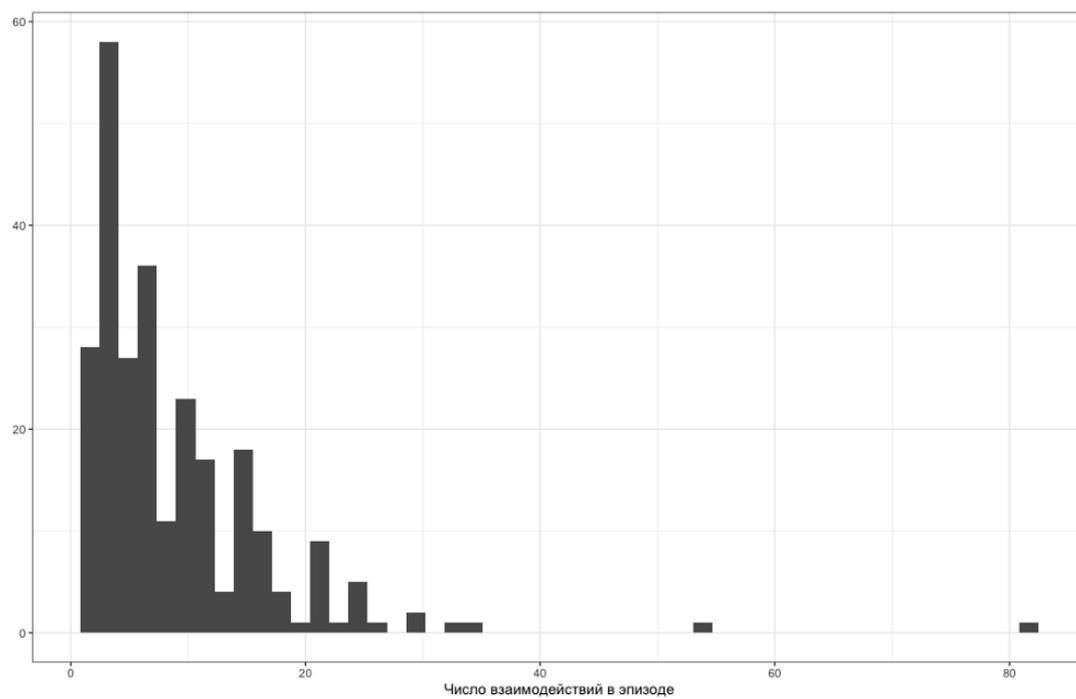

Рисунок. Распределение числа взаимодействий в эпизодах городских конфликтов.
Источник: данные автора